

“ТРИ ГОДА” А.П.ЧЕХОВА. СУМЕРЕЧНЫЕ
НАСТРОЕНИЯ ИЛИ ПРОСВЕТЛЁННАЯ ЛИРИКА?

Повесть “Три года” занимает уникальное место в творчестве А. П. Чехова. Основу произведения составляет изображение русской семьи на фоне общественной жизни 80-х, 90-х годов. Задуманная как роман, эта повесть отличается широтой временного и пространственного плана.

В плане композиции, структуры повесть “Три года” - хорошо изученное произведение. Особый вклад в изучение повести внесла Э.А.Полоцкая. В своей книге “Движение художественной мысли” критик показывает, как “невиданное доселе скрупулёзное изображение частных быта создаёт исключительную глубину и психологизм повествования” (5,54). Уникальность повести в её необычайной поэтической силе. Как известно, соотносительная и соизмерительная связь между отдельными частями прозаического произведения значительно слабее, чем в поэтическом. Однако лаконичность, отточенность чеховской прозы предопределили богатство семантических переключек в его произведении. Ясности, композиционной стройности Чехов придавал исключительное значение. По количеству неиспользованных предварительных записей повесть “Три года” представляет собой столь же неординарное явление, как и по общему количеству сохранившихся записей. Для достижения ясной композиции Чехов нередко отказывается от ценных художественных находок. В то же время наблюдается и иная тенденция. Стремление освободиться от подробностей странным образом уживается в окончательном тексте повести с повторениями отдельных образов и мотивов. Чехов не освободился ни от одного из них, когда редактировал повесть для собрания сочинений. Таким образом, эти повторы - отнюдь не “излишки” текста. Э.А. Полоцкая обстоятельно выявляет и исследует эти повторы. Однако в 1974 году, когда издавалась работа Полоцкой, беспристрастное изучение дореволюционной классики трудно было вообразить. И потому не все семантические переключки повести представлены в анализе Полоцкой.

Но пресловутая идейность - узком её понимании - всегда была чужда Чехову. Главную задачу писателя Чехов видел в создании ярких образов. Лишь в том случае, когда автор выбирает героев, поступки, слова исходя из их художественной ценности, он может достигнуть естественной правды художественного произведения. "Живые правдивые образы создают мысль, а мысль не создаёт образа"(8,118) - таково творческое кредо Чехова. Духовная, культурная наполненность героев вызывает у автора гораздо более пристальное внимание, нежели их социальное происхождение. Чехов никогда не навешивает ярлыков на своих героев, он никогда не характеризует своих героев такими определениями, как интеллигентный, неотёсанный, талантливый, бездарный и т.п. Наиболее полно внутренний мир чеховских героев проявляется через отношение к искусству. Так, например, в рассказе "Невеста" вульгарная картина, купленная женихом главной героини - Нади, помогает ей определиться в отношении к своему поклоннику. Более сложно этот аспект проявился в повести "Три года". Вездесущая пошлость пристала не к Юлии Белавиной, которая ведёт скромный образ жизни в провинции, а к Алексею Лаптеву, который окончил филологический факультет Московского университета и возвращается в высшем свете. Уже в первых главах повести можно заметить, что неприятие Лаптева Юлией Сергеевной происходит не столько из-за "приказчицкой внешности", сколько из-за того, что "он был не интересен" (1,351). Заурядность Лаптева ярко проявляется на картинной выставке в училище живописи:

"Лаптев знал фамилии всех известных художников и не пропускал ни одной выставки...За границей он заходил иногда к антиквариям и с видом знатока осматривал древности и высказывал своё мнение, покупая какую-нибудь вещь, антикварий брал с него сколько хотел, и купленная вещь лежала потом, забитая в ящик, в каретном сарае, пока не исчезала неизвестно куда...Дома у него были картины всё больших размеров, но плохие; хорошие же были дурно повешены. Случалось ему не раз платить дорого за вещи, которые потом оказывались грубою подделкой. И замечательно, что, робкий вообще в жизни, он был чрезвычайно смел и самоуверен на картинных выставках".

Сравним эту авторскую характеристику Лаптева с тем определением пошлости, которое даёт другой классик - Владимир Набоков:

“Обыватель, с его неизменной страстной потребностью приспособиться, приобщиться, разрывается между стремлением поступать как все - и приобретает ту или иную вещь, потому что она есть у миллионов - и страстным желанием принадлежать к избранному кругу, ассоциации, клубу... Его не очень интересует живопись, но престижа ради он охотно повесит в гостиной репродукции Ван Гога или Уистлера... У русских есть, вернее, было специальное название для *самодовольного* величественного мещанства - пошлость... Мещане питаются запасом банальных идей, прибегая к избитым фразам и клише, их речь изобилует тусклыми, невыразительными словами”. (7, 365)

Сказанное отнюдь не означает, что Алексей Лаптев - пошляк. Против этого говорит хотя бы то, что он способен переживать неподдельное, глубокое чувство (по отношению к Юлии Белавиной). Однако Лаптева, выросшего в мещанской среде (вспомним его отца, державшего своих рабочих в чёрном теле и причисляющего себя к благодетелям, брата Фёдора Лаптева, напичканного пошлыми журнальными идеями, мечтающего о кресле сенатора), не миновал налёт пошлости. Страстная и в то же время мягкая и душевная натура старшей сестры - Нины Фёдоровны, переплетается в нём с холодностью отца. Во многом именно вследствие фразёрства Лаптева в известной сцене, когда герои спорят в столовой, прорывается ненависть Юлии к мужу. И хотя цитируемая Лаптевым эффектная фраза почти полностью совпадает с тем ответом, который дал Чехову П.И. Чайковский в ответ на просьбу найти для виолончелиста Семашко подходящее место для работы, авторская позиция не может вызывать сомнения. Миллионер Лаптев помогает нуждающимся от случая к случаю, оставаясь при этом равнодушным. Чехов же, не будучи миллионером, тратил на благотворительность огромные средства.

Общение Лаптева с племянницами-сиротками в той сцене, когда он пыгается помочь им приготовить домашнее задание, ещё раз свидетельствует об отсутствии таланта.

- ...Ты прекрасно знаешь, не нужно только волноваться, - сказал Лаптев. - Ну, как же звать сыновей Адама?
- Авель и Кавель,- прошептала Лида.
- Каин и Авель, - поправил Лаптев.

По щеке у Лиды поползла крупная слеза и капнула на книжку. Саша тоже опустила глаза и покраснела, готовая заплакать. Лаптев от жалости не мог уже говорить, слёзы подступили у него к горлу; он встал из-за стола и закурил папироску. В это время сошёл сверху Кочевой...

- Бога ради, займитесь вы с ними, - обратился к нему Лаптев.

И только Юлия Белавина, с присущей ей сердечностью и чуткостью, находит слова, чтобы утешить плачущих детей:

Юлия Сергеевна прибежала из большого дома в одном платье и вязаном платке, прохваченная морозом, и начала утешать девочек.

- Верьте мне, верьте, - говорила она умоляющим голосом, прижимая к себе то одну, то другую, - ваш папа придет сегодня, он прислал телеграмму. Жаль мамы, и мне жаль, сердце разрывается, но что же делать? Ведь не пойдёшь против Бога!

Когда они перестали плакать, она окутала их и повезла кататься" (1,380).

Тонкое чувство красоты, художественный вкус демонстрирует Юлия Сергеевна на картинной выставке в училище живописи.

Окружение, среда, в которой выросла Юлия Белавина, ничем не лучше той среды, в которой вырос Алексей Лаптев. Чем же обусловлена внутренняя красота Юлии? "Три года" - классика, а не произведение из эпохи сентиментализма, и характеры героев, конечно, мотивированы. Объяснение духовному богатству Белавиной можно найти в её искренней, наивной вере, в её просветлённой набожности. Отношение самого Чехова к религии было двойственным. Он не был мистиком, но уважал колоссальную культуру, духовность, присущие христианству. "Много раз старательно-твёрдо говорил, - вспоминает И.А.Бунин в своём эссе "О Чехове", - что бессмертие, жизнь после смерти в какой бы то ни было форме - сущий вздор:

- Это суеверие. А всякое суеверие ужасно. Надо мыслить ясно и смело...Я, как дважды два четыре, скажу вам, что бессмертие - вздор.

Но потом несколько раз ещё твёрже говорил противоположное:

- Ни в коем случае не можем мы исчезнуть после смерти. Бессмертие - факт. Вот погодите, я докажу вам это..." (6,214)

Религиозные чувства Юлии Сергеевны - важный атрибут, возвышающий её в глазах Лаптева:

“От неё (Юлии Белавиной) шёл лёгкий, едва уловимый запах ладана, и это напомнило ему время, когда он тоже веровал в Бога и ходил ко всенощной и когда мечтал много о чистой, поэтической любви. И оттого, что эта девушка не любила его, ему теперь казалось, что возможность того счастья, о котором он мечтал тогда, для него утеряна навсегда”.

В IV главе, после того, как Белавина принимает предложение Лаптева, “оба в смущении спрашивали себя: “Зачем это произошло?” (1,356). Повторяясь в конце главы (как верно отмечает Полоцкая), эта фраза звучит как кода ко всей главе. Шумная московская жизнь, разговоры Ярцева, Кочевого поколебали веру Юлии. Это причинило ей дополнительные страдания, лишило душевного равновесия. Смерть дочери и душевное расстройство деверя привели её к новой, деятельной вере. Она начинает активно помогать ближним своим и требует того же от своего мужа. Юлия Сергеевна отправляется в дом на Пятницкой, где в одиночестве проживают её полуслепой свёкор и душевнобольной деверь. Она примирила старика Лаптева с внуками, убедила Алексея Лаптева переехать на Пятницкую и каждый день бывать в амбарной, вследствие чего значительно была облегчена участь амбарных служащих. Не в этом ли ответ на вопрос, прозвучавший в IV главе?

Тема деятельной веры, преобразующей окружающий мир, стала вновь актуальной в наши дни. Известный кинорежиссёр Н.С.Михалков (далёкий от мистицизма не менее Чехова) свой оптимистический взгляд в будущее России мотивировал следующим образом: “...сегодня в наших школах детей учат любить ближнего, и патриотизм отныне не сводится к ненависти к врагам. Воспитанные в вере своих далёких предков, эти дети будут добрее и правдивее нас с вами. Через 8 лет эти дети станут взрослыми, а через 20-30 лет будут находиться у власти. Тогда-то в России и начнётся Возрождение” (“Свобода слова” - НТВ, 12/12/2001).

Ещё задолго до того, как Юлия объясняется в любви своему мужу в заключительной сцене, можно заметить предпосылки для будущей привязанности. “...Если будешь всех прощать, то через три года в трубу вылетишь”, - говорит Юлии её свёкор Фёдор Лаптев. И перекличка с названием повести здесь, конечно, неслучайна. Эта фраза старика Лаптева перекликается также со словами Кости Кочевого, который полемизирует в X главе с Ярцевым. В ответ на мысль Ярцева о возможном примирении

классов: “Достиг же один учёный того, что у него кошка, мышь, кобчик и воробей ели из одной тарелки, и воспитание, надо надеяться, будет делать то же самое с людьми” (1,387) - Костя отвечает, что кошку “заставили силой”, и, исходя из этого, “не ждать нужно, а бороться”. Двадцативосьмилетний Кочевой и восьмидесятилетний разбогатевший купец Фёдор Лаптев антагонисты, но их высказывания родственны. Крайности, как известно, всегда сходятся. О необходимости “борьбы” говорит Кочевой и в XIII главе: “Такие люди, как ваш любезный Алексис, - говорит он Юлии, - прекрасные люди, но для *борьбы* совершенно негодны. Да и вообще ни на что не годны”. (1,398) Его слова словно пародируют слова сестры Лаптева - Нины Фёдоровны из VIII главы: “Вот не пренебрегли человеком, взяли его в дом, и теперь он за нас небось Бога молит...” (1,377). Образу Кочевского отведена немаловажная роль в идейном плане произведения. “Костя предпочитает плохую *серенькую* погоду” - это предложение в записной книжке Чехова должно было характеризовать Кочевского. В соединении с теми бездарными *серенькими* романами, которые Костя читает Юлии, и подглядыванием в бинокль за купающимися соседями эта деталь становится многозначительной. В своих рассуждениях об Алексее Лаптеве Кочевой плавно переходит от серости к хамству. Как определение человека слово “серый” стало употребляться в русском языке благодаря кальке с древнееврейского. Русский интеллигент до революции хорошо знал и эквивалент этого определения в иврите - “хам”. В своём обличении серости как потенциального хамства А.П.Чехов на целое десятилетие опередил Д.Мережковского, автора известной статьи “Грядущий хам”. Ярцев, персонаж наиболее близкий Чехову, покидая дачу в Сокольниках (в тот день, когда Кочевой высказался о Лаптеве), на первый взгляд неожиданно, пророчески: “Москва - это город, которому придётся ещё много страдать” (1,401). Эта фраза из записной книжки Чехова. Слова Ярцева о необходимости жить с любовью всякий раз сталкиваются с высказываниями его собеседников о необходимости бескомпромиссной борьбы. Ярцев чувствует атмосферу озлобленности и, как и сам Чехов, предвидит тяжкие последствия.

Согласиться с Г.П.Бердниковым, что “Три года” - “это история неудавшейся любви, которая в то же время есть история неудавшейся, искалеченной жизни”, значит признать правоту слов старика Лаптева,

утверждающего, что “если будешь всех прощать, то через три года в трубу вылетишь”.

Всей своей повестью Чехов вместе со своими главными героями полемизирует с вышеприведённым высказыванием старика Лаптева о невозможности, бессмысленности христианского всепрощения. Чувство всепрощения, редко покидающее Алексея Лаптева, - главное его достоинство. Он ни единым словом не упрекает Панаурова, который разбил жизнь его сестры; он молча удаляется, когда “инсипидка” Рассудина изгоняет его из квартиры Ярцева, лишая его последней радости - беседы с другом. “Я вырос в среде, где трудятся каждый день, все без исключения, и мужчины, и женщины... Надо поставить свою жизнь в такие условия, чтобы труд был необходим. Без труда не может быть чистой и радостной жизни” (1, 349), -- говорит Лаптев Юлии перед признанием в любви. В эту минуту чувство всепрощения, подогретое любовью к своей избраннице, достигает в Лаптеве апогея. Он прощает отцу исковерканное детство, прожитая жизнь видится ему “чистой и радостной”. Эти слова Лаптева из II главы контрастно противостоят его признаниям в XVI главе:

“Когда жена говорила ему, что ему необходимо каждый день бывать и в амбаре и на Пятницкой, он или молчал, или же начинал с раздражением говорить о своём детстве, о том, что он не в силах простить отцу своего прошлого, что Пятницкая и амбар ему ненавистны...” (1,413)

Сдержанная реакция Лаптева на признание в любви со стороны Юлии Сергеевны трактовалась как душевная деградация. Вследствие этого повесть “Три года” вызвала у литературного критика Эртеля “ощущение мрачной усталости и даже чего-то больного, надорванного” (2,463). Чтобы показать крайнюю субъективность такого восприятия обратимся к самой повести:

“Она (Юлия Сергеевна) объяснялась ему в любви, а у него было такое чувство, как будто он был женат на ней лет десять, и хотелось ему завтракать”. (1,421)

Эти строки говорят, во-первых, о том, что Лаптев ощущает глубокое родство с женой: “чувство, как будто он был женат на ней лет десять”, во-вторых, об умиротворённости, внутреннем покое героя. Далее:

“Навстречу ему (Лаптеву) бежали девочки.

“Как они выросли!-думал он.-И сколько перемен за эти три года...Но ведь придётся, быть может, жить ещё тринадцать, тридцать лет... Чего-то ещё нас ожидает в будущем! Поживём - увидим” (1,421)

В связи с этими строками Э.А.Полоцкая пишет: “В этом итоге - и тревога, и трезвый жизненный опыт, и привычка покоряться обстоятельствам, граничащая с равнодушием”. Основным аргументом для доказательства того, что Алексей Лаптев в конце повести выглядит безвольным и жалким, Полоцкая считает едва заметную перекличку в описании ночного пейзажа в начале повести (когда главный герой поджидает свою возлюбленную, которая присутствовала на всенощной) и в конце повести (когда Лаптев, узнавший неожиданно, что является обладателем шести миллионов, выходит из амбара). “Когда в первом часу ночи, после счётов, Лаптев вышел на свежий воздух, то чувствовал себя под обаянием этих цифр. Ночь была тихая, лунная, душная (...) Каждый уголок в саду и во дворе напоминал ему далёкое прошлое. И в детстве так же, как теперь, сквозь редкие деревья виден был весь двор, залитый лунным светом, так же были таинственны и строги тени, так же среди двора лежала чёрная собака и открыты были настежь окна у приказчиков. И всё это были невесёлые воспоминания..

За забором в чужом дворе слышались лёгкие шаги.

- Моя дорогая, моя милая...- прошептал мужской голос у самого забора, так что Лаптев слышал даже дыхание. Вот поцеловались. Лаптев был уверен, что миллионы и дело, к которому у него не лежала душа, испортят ему жизнь и окончательно сделают из него раба; он представлял себе, как он мало-помалу свыкнется со своим положением, мало-помалу войдёт в роль главы торговой фирмы, начнёт тупеть, стариться и в конце концов умрёт, как вообще умирают обыватели, дрянно, кисло, нагоняя тоску на окружающих”(1). Выглядит, по меньшей мере, странным то обстоятельство, что советские критики, столь нещадно боровшиеся с обывательщиной, мешанством, не заметили этот порыв Лаптева. Освободившийся (благодаря любви к своей жене) от налёта пошлости Алексей Лаптев боится миллионов и мечтает о “чудной поэтической, быть может, святой жизни”. “Что же меня держит здесь?” И ему было досадно на себя и на эту чёрную собаку, которая валялась на камнях, а не шла в поле, лес, где бы она была независима, радостна. И ему и этой собаке мешало уйти со двора, очевидно, одно и то же: привычка к неволе, к рабскому состоянию...” (1). Читателю важно

здесь помнить, что, во-первых, Юлия Сергеевна в ответ на вопрос Ярцева, прозвучавший в XIII главе: "...кого вы любите больше: мужа или ребёнка?", ответила, что "привычка, должно быть" (1) объединяет её с мужем. Через несколько месяцев она признаётся в любви Алексею Лаптеву. Во-вторых, важно помнить об особом, чеховском отношении к животным (вспомним хотя бы "Каштанку"). В письме к Авиловой (29 апреля 1892г) Чехов писал: "и сам я, покорный общему закону, изображаю уже из себя старую литературную, собаку, смотрящую на стихоплётство свысока и с зевотой" (4).

Встреча Лаптева с племянницами-сиротками обильно сопровождается восклицательными знаками, которые красноречиво говорят об отсутствии равнодушия и безволия. Оптимистические ноты привносит и очевидная переключка вышеприведённых строк с пушкинским стихотворением "Вновь я посетил...". И хотя пушкинское приветствие ("Здравствуй, племя младое, незнакомое!") обращено к молоденьким сосенкам, а мысли Лаптева к сиротам-племянницам, для которых он и его жена заменили родителей, схожесть настроений очевидна. В последнем абзаце Лаптев

"Сидел на террасе и видел, как по аллее тихо шла его жена, направляясь к даче. Она о чём-то думала, и на её лице было грустное, очаровательное выражение, и на глазах блестели слёзы. Это была уже не прежняя тонкая, хрупкая, бледнолицая девушка, а зрелая, красивая, сильная женщина. И Лаптев заметил, с каким восторгом смотрел ей навстречу Ярцев, как это её новое, прекрасное выражение отражалось на его лице, тоже грустном и восхищённом. Казалось, что он видел её *первый раз* в жизни. И когда завтракали на террасе, Ярцев как-то радостно и застенчиво улыбался и всё смотрел на её красивую шею. Лаптев следил за ним..." (1,421).

И здесь Полоцкая находит ещё одну повторяющуюся деталь. Когда Лаптев в начале повести пришёл к Юлии просить её руки и встретил её во дворе, он невольно залюбовался ею, и "ему казалось, что её тонкую белую шею с золотой цепочкой он *видел* теперь только *в первый раз*" (1,349). В связи с этим критик пишет: "Вместо тонкой девичьей шеи - красивая шея женщины, вместо одного влюблённого - другой, который ещё сам не осознаёт, что влюблен". (5, 37). Предпосылки для такого чтения действительно имеются. Ведь перед тем как отправиться к жене, Лаптев, "чтобы скучно не было, пригласил с собой Ярцева" (1). Значит ли это, что его любовь к Юлии безвозвратно потеряна? Ведь в конце XIV главы Лаптеву

было "досадно на себя" за то, "что чувство его к жене было уже совсем не то, что раньше". Чехову (долгое время сотрудничавшему с редакцией "Божьего мира"), несомненно, было известно популярное изречение отшельника Оптинской пустыни Леонида: "Скука - унынию внука, лени дочь". Из дальнейшего содержания главы становится ясно, что апатия и скука, овладевшие Лаптевым в результате терзаний от безответной любви, уже преодолены. Преодолены, во-первых, ежедневным трудом и заботой о рабочих в амбаре, к которым его принудила жена, а во-вторых, радостью, которую доставило ответное чувство жены. "Я верю, что ничто не проходит бесследно и что каждый шаг наш имеет значение для настоящей и будущей жизни"(4) - это восклицание принадлежит Мисаилу Полозневу, сам автор разделял его мнение. Робкая надежда Алексея Лаптева (в начале повести) на то, что счастье, о котором он мечтал тогда, когда "он тоже веровал в Бога и ходил ко всеношной и когда мечтал много о чистой, поэтической любви", будет достигнуто благодаря любви к Юлии Белавиной, оправдалась. Три года очищающих страданий и унижений возвысили его из положения практически никому не нужного человека до любимого и почитаемого главы семьи, руководителя предприятия (рабочие которого благодарны - и не только на словах - своему руководителю). В вышеприведённой цитате можно заметить, что читатель видит Юлию Сергеевну в этой заключительной сцене повести "Три года" как бы в двойном зеркале. Хотя ею восхищается Ярцев, её описание даётся глазами Лаптева. Он видит всю силу её неотразимого обаяния.

Концовка повести "Три года" допускает различные толкования. Однако называть повесть пессимистической некорректно. Нужно забыть принадлежность главного героя к крестьянско-купеческому сословию, забыть о набожности-ненабожности главной героини, забыть всё то, что может помешать объективно анализировать произведение классика. "Счастье и радость жизни не в деньгах и не в любви...Если захочешь животного счастья, то жизнь всё равно не даст тебе опьянеть и быть счастливым, а то и дело будет огорашивать тебя ударами" (3, 435), - полагал Чехов и прибавлял, что жить следует для того, чтобы служить правде. Как и Лев Толстой, Чехов (близко знавший и горячо любивший его) считал, что в произведениях литературы должна жить "не каждодневная правда, а Бессмертная Истина"(7). Это убеждение Чехова, его уверенность в том, что

писатель должен садиться за произведение, "будучи как лёд холодным", помогла ему оставаться до конца автором объективным и влюблённым в своих героев.

Схожесть настроений Чехова в вышеприведённом письме к Авиловой и его персонажа в повести неслучайна. В своих воспоминаниях Л.А. Авилова рассказывает о первой своей встрече с Чеховым. Молодую маму - Авиллову, представили в шутку как девицу Страхову. Чехов узнал о шутке лишь после того, как успел горячо полюбить свою собеседницу - Авиллову. Перед тонким чувством юмора, обширным кругозором, гениальностью писателя не могла устоять и молодая мама - супруга инженера Авиллова, успевшая до встречи с Чеховым выйти замуж не по любви.

Так же, как и Пушкин в "Дон Гуане", Чехов в повести "Три года" награждает двух противоположных по темпераменту героев своими чертами, своими любимыми мыслями. Если Ярцев близок Чехову начала 90-х, успевшему влюбиться в Авиллову, то Лаптев близок Чехову начала 80-х, которому не так легко было бы завоевать сердце будущей писательницы девицы Страховой, но который, в отличие от первого, мог рассчитывать на супружество. Как это ни парадоксально, есть у автора черта, роднящая его и с Юлией Белавиной. Лишь в последние дни жизни Чехов позволил себе отказаться от привычного окружения и беседовать, находясь на смертном одре в больнице, с Л.А.Авилловой. Он отдал всего себя без остатка (как и Юлия Белавина) своим ближним.

Чеховская повесть "Три года" с её обаятельными героями даёт нам право характеризовать её автора известными словами Александра Блока:

Простим угрюмство. Разве в этом
Сокрытый двигатель его.
Он весь - дитя добра и света,
Он весь - свободы торжество.

-
1. А.П.Чехов. Избранные произведения в трёх томах. Том II. М., 1967.
  2. А.П.Чехов. Полное собрание сочинений. Том IX. М., 1976.
  3. А.П.Чехов. Собрание сочинений в 12 томах. Том X. Записные книжки. М., 1956.
  4. А.П.Чехов. Полное собрание сочинений. Письма в двенадцати томах. Том V.М., 1977.
  5. Э.А.Полоцкая. "Движение художественной мысли". М., 1979.
  6. И.А.Бунин. Собрание сочинений в девяти томах. Том IX.
  7. В.В.Набоков. "Лекции по русской литературе". М., 1999.
  8. Л.А.Авиллова. "Рассказы. Воспоминания". М., 1984.